

© 2014 г.

Д.С. ТКАЧЕНКО

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ БРИТАНСКИХ СОЛДАТ

До настоящего времени история Первой мировой войны в нашей стране исследовалась в основном по официальным источникам¹. Они достаточно полно отражают внешнюю, фактическую, сторону происходивших наступлений, операций, показывают работу штабов и тыловых учреждений, кампании по мобилизации и патриотической работе среди населения. Повседневность, восприятие конфликта конкретным человеком, идеи и мысли о разворачивавшихся на его глазах событиях начинают вызывать интерес только сейчас.

К сожалению, для разработки данной проблемы мы имеем ограниченный круг источников личного происхождения, который к тому же предельно политизирован. Это редкие мемуары уцелевшего в годы Гражданской войны офицерского корпуса², которому события, предшествовавшие братоубийственной боине виделись либо в преувеличенно “розовом свете”³, либо трактовались как преддверье наступающей в стране анархии⁴. Редкие воспоминания российских солдат о Первой мировой войне не менее специфичны⁵. В основном люди, ставшие через несколько лет красными командирами, были малограмотными. Они начинали войну нижними чинами и были знакомы лишь с боевым путем своей части. Следует учитывать, что мемуары по большей части создавались после окончания Первой мировой войны. А участие их авторов в борьбе за Советскую власть в 1917–1921 гг. приводило к интерполяции на воспоминания молодости советских идеологических догм о войне, которое “затягло царское самодержавие в угоду кучке крупных капиталистов и помещиков”⁶. При практически полном отсутствии достоверных отечественных источников, тема бытия человека во время Первой мировой войны может быть рассмотрена, в основном, на иностранных материалах.

Противостояние примерно равных по силе противников к 1915–1916 гг. приобрело затяжной, позиционный характер, названный на Западе “траншейной войной”. Фронт, протянувшийся через всю Европу от швейцарской границы до Ла-Манша не менял общей конфигурации на протяжении длительного времени. Это обстоятельство трактовалось по-разному как в историографической, так и политической традиции:

Ткаченко Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского федерального университета.

¹ См., напр.: *Зайончковский А.А.* Мировая Война 1914–1918 гг., в 2-х т. М., 1938.

² *Стахурский В.А.* Воспоминания о 83-м пехотном Самурском полке (1898–1917 годы). – Ставропольский государственный музей-заповедник, ф. 48, д. 19.

³ *Шкуро А.Г.* Записки Белого партизана. М., 1991.

⁴ *Головин Н.Н.* Военные усилия России в Мировой войне, в 2-х т. Париж, 1939.

⁵ *Берлов А.А.* “В пламени, в пороховом дыму”. Записки политкомиссара. Ставрополь, 1973, с. 8–10.

⁶ *Положишников Д.О.* Петр Ипатов. Ставрополь, 1954, с. 16.

для российской стороны – являлось неоспоримым свидетельством пассивности англо-французских войск, их нежеланию прийти на помощь союзнику, терпящему катастрофу на своем фронте⁷. Для европейской общественной мысли, “траншейная война” остается символом как непреклонного упорства ведущих ее солдат, так и яркой аллегорией жестокости, бессмысленности и бесперспективности всей Первой мировой войны⁸.

Английские военнослужащие, в отличие от российских, не только представители офицерского корпуса, но и рядовые солдаты активно вели дневники. Интересно отметить, что англичане вели записи не только в частном порядке в тетрадах и блокнотах, но и централизованно на специально отпечатанных типографских формах, в которые они могли вносить информацию, которую считали необходимой сохранить для памяти потомков⁹. При этом, несмотря на цензуру, которую неизбежно проходили фронтовые записи, дневники содержат яркие детали событий, разворачивавшихся перед глазами равнодушных очевидцев. Дневник часто становился своеобразной психологической отдушиной, где можно было не только оставить свои размышления, но и память о себе на случай гибели, поэтому, образованные люди стремились делать записи практически с фотографической точностью. Как исторические источники личного происхождения, несмотря на весь субъективизм, отрывочность, а часто и отсутствие систематизации, данные записи ценны тем, что составлялись “по горячим следам”, а не были плодом позднейшего творчества. Они дают исследователю возможность “погрузиться” в изучаемую эпоху, взглянуть на войну глазами ее непосредственного участника.

К столетию начала Первой мировой войны Британский национальный архив (The National Archives) начал масштабное мероприятие по оцифровке и предоставлению открытого доступа к дневникам английских солдат¹⁰. В рамках программы британского правительства было оцифровано около 1,5 млн страниц текста, ведется работа не только по его прочтению, но и переводу из рукописной формы в текстовый формат¹¹.

Одним из уникальных источников стал дневник солдата Э. Стэплтона¹², который в 1916–1919 гг. служил на узле связи при одном из военных штабов. Он выделяется из круга аналогичных дневников, не столько описанием судьбы молодого человека, сколько характером его ведения. До поступления в армию Стэплтон работал клерком в почтовой конторе г. Стаффорда, откуда, как и многие другие, ушел добровольцем в армию. Некоторое время он провел в составе войск на Сирийском фронте, рядовым солдатом участвовал в Галлиполийской десантной операции, а затем переквалифицировался на радиста и после кратковременного отпуска получил назначение на Западный фронт в Северную Францию. Оказавшись в относительно спокойной прифронтовой зоне, а не в траншеях на передовой, Стэплтон имел возможность наблюдать за происходившими вокруг него событиями. Как работник штаба он получил доступ к официальным сведениям и сводкам, передавал и получал информацию от войсковых частей с передовой, что существенно расширяло его осведомленность о положении дел на фронте. Кроме того, несмотря на скромный воинский чин, Стэплтон был незаурядной личностью: он поставил для себя задачу не только выжить, но и с пользой для себя провести время вынужденного пребывания во Франции. В то время, как другие солдаты отдыхали, во время смены своего боевого дежурства у радиостанции, молодой человек учил французский язык, общался с жителями местечка, в котором был расквартирован штаб, и даже по мере сил пытался посещать сколько-нибудь известные достопримечательности в округе. Показательно, что, увидев, как немецкая авиация направляется в сторону г. Амьена, он, прежде всего, выразил беспокойство о возможности повреждения одним из взрывов знаменитого кафедрального собора –

⁷ Головин Н.Н. Указ. соч., т. II, с. 160.

⁸ Террейн Дж. Великая Война. Первая мировая – предпосылки и развитие. М., 2004.

⁹ <http://www.operationwardiary.org/#/classify/52d0568c3ae74026a3004bf>

¹⁰ <http://www.nationalarchives.gov.uk/first-world-war/>

¹¹ <http://www.operationwardiary.org/>

¹² The Great War Diaries of Stapleton Tench Eachus. – <http://wardiaries.webnode.com/>

шедевра готической архитектуры, а только потом вспомнил о расквартированных в этом городе штабах и войсковых частях¹³.

В течение трех лет Стэплтон вел дневниковые записи. Понимая, что из-за жестких критических замечаний, от которых очевидец не мог удержаться, комментируя события войны, его дневники не пройдут официальный цензурный контроль, солдат регулярно посылал исписанные тетради домой, используя не официальные каналы связи, а через французскую гражданскую почту. Так он избежал серьезных служебных неприятностей, а его записи – цензурного сокращения, что существенно повышает их ценность как исторического источника. “Не знаю, что могло бы с ним произойти, если бы его поймало за этим занятием начальство”, – прокомментировал действия Стэплтона современный английский издатель¹⁴.

В 1916 г. война требовала все больших и больших людских резервов, которые англичане спешно перебрасывали во Францию. По мнению военного историка, генерала А.А. Зайончковского, к лету 1916 г. Англия, “была не только не сокрушена, но и усилилась в военном отношении, проведя закон о всеобщей воинской повинности”¹⁵. Мобилизацию хорошо описывают очевидцы. Так, первые записи дневника Стэплтона посвящены отзыву автора из кратковременного отпуска и его отплытию из Англии. При этом Стэплтон с горечью отмечал недовольство людей мобилизацией и растущую усталость. “В своей памяти, – писал он, – я возвращался назад, к начальным дням войны. Тогда, я помню, люди сходили с ума при виде флага, – когда моя войсковая команда шла через Лондон на пути к Ньюбери, наше шествие на всем своем протяжении было отмечено непрекращающимися взрывами приветствий, а каждый дом был украшен разноцветными знаменами. Тогда это была сумасшедшая любовь Лондона, и как теперь все отличается”¹⁶.

После непродолжительного пребывания в английском учебном лагере под г. Абевиллем, молодой человек был направлен радистом в один из армейских штабов, расположенном в селение Кверри недалеко от Амьена.

С большим интересом автор описывал новый для него ландшафт Голландии и Северной Франции, по которому проходил путь его войсковой команды. “Не могу точно вспомнить все места, через которые мы проезжали, помню только Лонгре, Сент-Роше и Амьен, на протяжении всего пути можно было увидеть явные следы продвижения большой группировки войск. Когда я пишу эти строки мы стоим напротив чего-то напоминающего “огородную Венецию”. Многие акры земли превращены в аккуратные участки грядков, разделенные водными каналами. Можно видеть, как огородники двигаются в разные стороны на своих лодках по форме напоминающих гондолы, другие отплывают нагруженные овощами и зеленью. Каналы питаются рекой, протекающей через центр участков...”

Было несколько странным на протяжении всего пути видеть, как на каждой остановке солдаты бегут из поезда к ближайшему пункту с котелками, чтобы набрать горячей воды для чая. Уже вошло в обычай выходить из поезда, когда он остановится для того, чтобы немного пройтись. Никто не боится отстать, так как довольно легко заскочить обратно, в то время как поезд тронется и люди даже не торопятся зайти внутрь, пока он действительно не начнет движение”.

Увиденная своими глазами фронтовая жизнь произвела на солдата, даже имевшего опыт войны, сильное впечатление. “Мы проехали мимо местечка под названием Корбэ и вскоре достигли Кверри – нашего пункта назначения. Доложили о прибытии офицеру-связисту, а затем в канцелярии... После этого нас направили в казарму, которая на деле оказалась покосившимся сараем со скудным доступом свежего воздуха внутрь и населенным крысами. Сарай был до верху забит чем-то, напоминавшим койки, кото-

¹³ Ibid., p. 48.

¹⁴ *Wickett J.K.* The Great War Diaries of S.T. Eachus. 2000. – <http://wardiaries.webnode.com/>

¹⁵ *Зайончковский А.А.* Указ. соч., т. 2, с. 7.

¹⁶ The Great War Diaries..., p. 3.

рые громоздились одна над другой, причем добраться до верхней можно было только вскарабкавшись по предыдущим, как по импровизированным ступеням. Мое место оказалось на самой вершине в районе чердака”¹⁷. Так начались военные будни молодого человека.

Прибытие Стэплтона на фронт совпало с подготовкой союзниками крупного летнего наступления на р. Сомме. Общую стратегическую обстановку в это время хорошо описали военные историки. “Со стороны англичан, – отмечал генерал А.А. Зайончковский, – германцы ожидали выступления: первоначально – как ответ на атаку Вердена, а потом – как содействие операциям на Русском фронте. Противодействовать наступлению англичан они могли только обороной, почему и обратили особое внимание на усиление своей обороны против сектора, занятого английскими войсками, тем более, что широкие подготовительные к наступлению работы англичан для них не оставались секретом”¹⁸. Оценки исследователя целиком подтверждаются мемуарными записями.

Как очевидец событий, Стэплтон описывал массивную перегруппировку английских войск и их продвижение через прифронтовую зону к передовым позициям. “Большую часть нынешней ночи, – писал он в дневнике, – продолжалось движение нашей кавалерии, проходившей через Кверри, дороги задыхаются от перевозок, грузовых машин и т.п. К тому же по ним везут громоздкие цистерны для воды. В течение всего дня через поселок маршируют колонны Британской пехоты вместе со своими обозами. В большинстве своем люди выглядят измученными и до предела утомленными. Они, разумеется, растеряли даже намек на плац-парадный лоск и без тени сомнения превратились в нечто совершенно противоположное тем блестящим храбрым парням, что формировали войсковые подразделения в начале войны... Люди, которых я сегодня видел, не принадлежат к этому типу солдат. Они, несомненно, проявят себя с наилучшей стороны, ведь они – англичане. Я очень надеюсь, что им будет сопутствовать удача, так как на фронте им выпадет проделать большую работу”¹⁹.

При этом не только вид усталых солдат, тянувшихся к фронту поразил наблюдательного человека, но и размышления о способности тех родов войск, которые командование стягивало для удара, прорвать оборону противника. Стэплтона потрясло наблюдение, что вместе с артиллерией и пехотой на передовую движется и совершенно бесполезная в позиционной войне индусская иррегулярная кавалерия, которой в прорыве могла быть уготована роль “пушечного мяса”. “Индусы курьезно выглядят, нося на голове каски, – писал он. – Они теперь далеко не так живописны, когда растались со своими характерными чалмами... Один из индусов немного говорит по-английски... [и рассказал, что]... последние три месяца их учили прыгать на лошадях через окопы... Надеюсь, что те жертвы, которые они неизбежно понесут, не пропадут даром, а в конечном итоге послужат для разгрома ненавистного противника”²⁰.

Очевидец событий не мог знать того обстоятельства, которое впоследствии отмечали военные историки: “Германские позиции оборудовались здесь в течение 2-х лет и представляли собой высокий образец использования техники и военно-инженерного искусства. Колючая проволока, бетон, безопасные помещения для гарнизона, скрытая фланговая оборона пулеметами, деревни и леса, обращенные в своего рода маленькие крепости, – таков общий характер укрепленных позиций германцев, они имели 2 полосы в 2–3 км одна от другой и начали строить 3-ю”. Первоначальный план операции, разработанный союзным командованием, предусматривал массивную атаку на широком фронте, что позволяло максимально избежать угрозы окружения при контрударе противника.

Английское наступление началось 1 июля 1916 г. с массивного артиллерийского обстрела, который, по словам немецкого командующего Людендорфа, оказался

¹⁷ Ibid., p. 8.

¹⁸ Зайончковский А.А. Указ. соч., с. 68.

¹⁹ The Great War Diaries..., p. 8.

²⁰ Ibid., p. 13.

так силен, что под его прикрытием пехота доходила до германских укреплений раньше, чем гарнизон успевал выбраться из своих подземелий²¹. “Военные новости сегодня удовлетворительные, – записал в дневнике имевший доступ к английским фронтовым сводкам радист. – Британские снаряды ливнем накрывают фронт на протяжении 60 миль, произведено несколько прорывов в участки вражеских окопов, зафиксированы отдельные рукопашные схватки и захват пленных”²².

Неожиданная массированная атака принесла англичанам успех. “Первый день нашего наступления, кажется, принес хорошее начало, – отметил в дневнике Э. Стэплтон. – Немцы во многих местах эвакуировали свои передовые траншеи, а возможно, и отдельные участки второй линии, все немецкие позиции изрыты воронками. Отдельные подразделения и дивизии достигли намеченных рубежей, но другие были отбиты... Я не знаю о событиях на других участках и могу говорить только об основных чертах того, что происходит непосредственно на нашем фронте. Лично мне фактическая ситуация, по меньшей мере, не нравится, и у меня мало веры в наступившее на фронте британское лидерство. Ведь использовались устаревшие методы атаки, которые в целом тщетны против упрямой решительности обороняющегося врага”²³.

Как показали дальнейшие события, Стэплтон не ошибся в своих предположениях, делая записи в тот день, который впоследствии английские военные историки назовут днем “самой крупной катастрофы всей войны”. Продвижение вперед было минимальным, а к вечеру английские потери составляли 57 470 солдат, из них почти 20 тыс. – убитыми²⁴.

Опомнившись от удара, немцы начали перегруппировку войск. С тревогой радист пересказывал поступившее в штаб сообщение о том, что с одного из английских наблюдательных дирижаблей заметили облака пыли на дорогах за немецкими позициями, что было явным знаком готовящейся контратаки²⁵. Он не ошибся в своих расчетах. “Германцы, – утверждал А.А. Зайончковский, – начали быстро сосредотачивать в угрожаемом направлении свои резервы, прибегнув даже к крайней мере – переброске батальонов, составлявших резервы на пассивных фронтах. Это дало им возможность усилить свои войска в районе прорыва... до 30 дивизий”²⁶.

Вскоре началась немецкая контратака, которая велась такими же методами, как и английское наступление. Немцы ответили ураганным артиллерийским огнем, который продолжался несколько дней, и принялись систематически вытеснять англичан на их старые позиции. В дневнике Стэплтон дословно приводил сводки о жестоких схватках местного значения, поступавшие в штаб: «Утренние доклады о боях прошедшей ночи, к сожалению, неутешительны. Привожу официальный рапорт, поступивший из штабов 4-й армии: “PEEL докладывает, что обстановка не изменилась; TROTT рапортует об атаке, предпринятой FANNY в 8 утра на квадрат окопов поддержки. Атака остановилась на мощных заграждениях противника под сильным ружейным и пулеметным огнем; артиллерийский обстрел позиций справа так же не принес успеха; в районе X-7.с мы удерживаем только кладбище; связь с HILDA прервана; противник закрепился в квадрате траншей к северу от пункта X-22.b; TRUMPER рапортует, что ситуация не изменилась; ADVGHO и его соседи запрашивают помощь у соседних армий Второго корпуса”»²⁷. Отрывочные и понятные только в общем контексте стратегической обстановки доклады подталкивают читателя к мысли, что события на фронте складывались не в пользу англичан.

²¹ Зайончковский А.А. Указ. соч., с. 68–71.

²² The Great War Diaries..., p. 13.

²³ Ibid., p. 14.

²⁴ Террейн Дж. Указ. соч., с. 156.

²⁵ The Great War Diaries..., p. 15.

²⁶ Зайончковский А.А. Указ. соч., с. 72.

²⁷ The Great War Diaries..., p. 14.

Стэплтон отмечал в дневнике и обстановку в прифронтовой зоне: “Жестокий обстрел [английских позиций] начался сегодня с 10 до 11 часов вечера и продолжался всю ночь... Множество наших частей проследовало на фронт в ранние утренние часы и их шествие растянулось до обеда. Солдат везли в грузовых машинах, специально оборудованных для этих целей... Нескончаемый поток артиллерийских орудий проходит мимо нашего расположения, некоторые из тяжелых орудий, следующих на линию фронта оснащены специальным паровым двигателем, приводящим в движение их колеса, который производит страшный шум, пока орудие медленно ползет мимо...”²⁸.

Операция союзников “приняла затяжной характер и свелась к истощению живой силы противника, к перегруппировке тяжелой артиллерии и в ближайшие дни не обещала решительных успехов, время для которых было упущено”²⁹. Радист, знакомый с обстановкой на фронте, фиксировал в дневнике активное движение неприятельских войск за линией фронта, на которое английское командование ответило подтягиванием собственных резервов: «Мы встретили отряд шотландцев, проходивших через селение под звуки волынки вслед за своим военным оркестром. Мы с другом остановились за углом церкви, чтобы понаблюдать за соотечественниками и послушать отважные песни шотландских маршей. Неподдалеку собралась и группа артиллеристов, которая, стоя рядом со своими грузовиками, следила за процессией. Было видно, что все собравшиеся пехотинцы испытывали сильнейшее волнение, наблюдая за маршем; “вот это солдаты!” – прозвучал комментарий, на который из процессии не последовало ответа»³⁰. В целом, все указывало на то, что, несмотря на высокий патриотический подъем английских войск, на фронте произойдет очередная “мясорубка”, а активность завершится не ранее, чем у враждующих сторон иссякнут людские резервы.

Находившийся в тылу радист не мог видеть того, что происходило вдали от штаба. Его свидетельства дополняют отрывочные дневниковые записи людей, принимавших непосредственное участие в траншейных боях на Сомме. “Сегодня яркий солнечный день, – писал капитан Дж. Патэрсон. – Погода свежая, приятная и умиротворяющая, если только не смотреть по сторонам. А то, что реально происходит – не поддается никаким описаниям. Везде траншеи, обломки техники, обрывки одежды (местами окровавленные), солдатская амуниция, инструменты, фуражки и т.д., и т.п. Во всех направлениях лежат несчастные застреленные парни. Некоторые из них – наши однополчане, кое-кто еще из той бригады, что воевала на этой земле до нас, и много немцев. Тела всех разорваны и изуродованы”³¹. Подобные записи встречаются в дневниках довольно часто. «Я бросаю взгляд направо сквозь рощу деревьев, – свидетельствовал командир 10-го батальона 36 Ольстерской дивизии. – Вижу британских солдат, лежащих рядами на “ничейной земле”, мертвых, умирающих или раненых. То здесь, то там я вижу офицера, который вел в бой своих подчиненных... Атакующие цепи двигались сначала в превосходном порядке, но постепенно таяли. Не было мечущихся или пытавшихся бежать, люди падали прямо в своих рядах, не преодолев даже сотни ярдов по “ничейной земле”. Это было проявлением великолепной храбрости, но вызывает дрожь при одном воспоминании»³².

Находившийся при штабе в тылу Стэплтон видел только, как люди уходили в сторону фронта и не возвращались обратно: “Войска продолжают двигаться день и ночь и грузовики нескончаемым потоком снуют через наше селение. Вместе с тем с фронта не поступает никаких новостей и вся борьба, кажется, свелась к бессмысленному топтанию на месте”. Особое неприятие у него вызывала артиллерийская дуэль: “Наша артиллерия не прекращает громить и перемалывать вражеские позиции день и ночь.

²⁸ Ibid., p. 16.

²⁹ Зайончковский А.А. Указ. соч., с. 72.

³⁰ The Great War Diaries..., p. 21.

³¹ <http://www.bbc.com/news/uk-25716569?SThisFB>

³² Цит по: Террейн Дж. Указ. соч., с. 157.

Хочется верить, что это имеет какую-то цель и мысль об этом поддерживает во мне робкую надежду на успех англичан, но он, к сожалению, невозможен”.

Наблюдательный радист писал и о людских потерях, к которым привела плохо подготовленная операция командования: “Видел рапорт 15-го корпуса, сообщавшего в штаб, что дивизии, которые были вчера вечером введены в сражение, вернулись обратно на позиции уже на рассвете, принеся с собой только своих раненых солдат. Как следует из рапорта, эти части понесли огромные потери в основном от применения газа. Похоже, что противник стал использовать специальные снаряды, которые не взрываются, а лишь выпускают содержащийся в них газ... Имею свидетельства, что один из наших кавалерийских полков, который позавчера добился успеха, захватив позиции перед лесом, заплатил за это потерями около 100 человек”³³.

Читая свидетельства очевидцев трудно не согласиться с генералом А.А. Зайончковским, утверждавшим, что два первых месяца сражения на Сомме свидетельствовали о явной ошибке со стороны Британского командования, “принимая во внимание собранные здесь силы, а в особенности могущественные технические средства и длительность подготовки. Углубление при таких условиях в неприятельский фронт на 3–8 км, иначе, как неудачей и нельзя назвать”³⁴.

Мысли о бессмысленности бойни, разворачивающейся на их глазах, стали все чаще проскальзывать в дневниках очевидцев. “Никаких официальных новостей, кроме свидетельств того, что бесполезная траншейная война продолжается, – отметил в дневнике Стэплтон. – Наши пушки изрыгали грохот весь день напролет и, думаю, продолжают это делать и ночью. Наденюсь, что громовые удары молотом, хотя бы точно нацелены, иначе вся английская мощь не принесет никакой пользы... [Следующим утром] наши пушки все грохочут с неумещающей скоростью, но боюсь, что немцы дают нам свой ответ. Несмотря на интенсивный обстрел, им удалось ночью выбить нас из двух пунктов”³⁵.

Очевидец событий с негодованием писал о патриотической шумихе, поднятой в прессе английским командованием в начале наступления. “Официальные известия о текущей борьбе примечательны полным отсутствием реальных новостей, – комментировал он ситуацию. – Похоже на то, что люди опять введены в самое бессовестное заблуждение, которое заметно в тех письмах, что я получаю; в Старой Англии верят, что великое, общее и удачное наступление идет полным ходом... Только Бог может знать, чем же английские газеты смогут подтвердить пылкие заголовки своих статей. На мой взгляд, это явно катастрофический подход..., свидетельство слабости и растущей нервозности, которая в немалой степени подпитывает национальный суицид, разыгрывающийся на моих глазах, к позору грядущих поколений. Почему, во имя Господа, правительство и его службы информации прилагают столько усилий для того, чтобы дурачить публику?! Они ведь достаточно хорошо знают, что на фронте происходит не то, что нужно, а мы поставлены перед невыполнимой задачей...”³⁶. Прошло много времени, прежде чем ужасные события были осознаны англичанами. Общественность была шокирована, когда узнала, сколько жизней было загублено: в летнем наступлении на Сомме была уничтожена “энергичная, преданная и надежная; физическая и духовная элита британской нации”³⁷.

Через месяц бесплодных усилий наступление союзников приостановилось и на фронте установилось затишье позиционной войны. “Ночное небо освещается взрывами, – писал в дневнике Стэплтон, – фактически это происходит постоянно, так как работают наши пушки, и если бы только каждый выпущенный снаряд попал хотя

³³ The Great War Diaries..., p. 14–20.

³⁴ Зайончковский А.А. Указ. соч., с.72.

³⁵ The Great War Diaries..., p. 20–21.

³⁶ Ibid., p. 16.

³⁷ Террейн Дж. Указ. соч., с. 157–158.

бы в одного немца, то это было бы большой удачей для нас. Но, кажется, противник хорошо приспособился противостоять обстрелу и платит нам той же монетой”³⁸.

Автор описывал ежедневные столкновения, не влияющие на исход битвы, но приводящие к людским жертвам: “Сегодня, примерно в 2 часа дня наше селение было обстреляно 12 вражескими танками. Восемь связистов убито в лагере, и еще дюжина ранена. Пятеро из них успели пробыть во Франции всего две недели, а двое до этого пережили операцию в Галлиполи. Для одного из тех, кто был сегодня разорван на куски пришла телеграмма, которая могла бы вырвать его из фронта на восемь дней. Она содержала известие о смерти его жены и человек мог бы отправиться в Англию уже этим вечером, останься он в живых. Я привел эти факты, так как они во всем своем трагическом красноречии показывают то страшное зло, что периодически посещает каждый дом в Европе”³⁹. Эти слова приобретают особое значение, если учесть, что в битве на Сомме с обеих сторон погибло около 1 млн человек⁴⁰.

Большим потрясением для автора стало известие о том, что взрыв снаряда унес жизнь одного из его родственников, воевавшем на соседнем участке. Смерть близкого человека заставила Стэплтона не только иными глазами взглянуть на положение дел на фронте, но и начать переосмысливать суть военного конфликта. “Эта новость меня страшно огорчила, – писал он. – Билли исполнил свой воинский долг – это так. Он выполнил его честно и добросовестно, но ради чего? Наша война потеряла свою славу. Это не война, – это проклятие, – ослепление, которое поразило Европейские нации, нет – нации всего Мира. Это безжалостное истребление лучших представителей государства. А за что? На это нет ответа. Хаос, в котором мы сейчас пребываем, вызван невежеством, глупостью и интригами, которые ввергли нас в пребывание в этом дьявольском сумасшедшем доме. Когда наступит прозрение? И как долго должен длиться бедлам, до тех пор, пока нам не разрешат обрести свободу?”⁴¹.

Протест и внутреннее неприятие происходящего, с этого времени стали регулярно появляться в дневниковых записях молодого человека. “Сегодня двухлетняя годовщина объявления Британией войны нашему ненавистному врагу – Германии, – записал он 4 августа 1916 г. – Вспоминаю, как радовались мы открывавшимся возможностям и каким многообещающим все тогда выглядело... Возвращаясь к начальному времени, можно увидеть, что все оно наполнено неисчислимыми неудачами и разочарованиями, которые были и будут источниками горькой боли.

Земли и моря переполнены телами наших погибших и даже сам воздух испорчен запахом тлена. Сознание людей потеряло равновесие и жаждет лишь удовлетворения своего безумия. Все основы нашего общества пошатнулись и подгнили, а само здание цивилизации неожиданно низвергнуто и разрушено в прах; все хорошее, доброе и благородное предано смерти, а извечно пребывавшее в мире зло стало преобладать и беззастенчиво слоняться по земле как некий монстр от одной двери к другой... Моя несчастная страна, которая раньше не знала, что такое [тотальная] война, с ее заповедями, ограничениями и жертвами сейчас усваивает страшный урок, а цену, которую она за это платит – это расплата за глупость. Гордая Англия со всем ее могуществом и невероятной силой, со всеми своими добродетелями и благородными традициями может попросту истечь кровью. Те же, кто воображает, что война теперь долго не продлится – по меньшей мере глупцы. Совершенно очевидно, что ее концом будет простая ничья”⁴². Интересно отметить, что непосредственные участники боевых действий предвосхищали будущие выводы своего командования о перспективах победы в войне того, “кто просто продержится дольше”⁴³.

³⁸ The Great War Diaries..., p. 15.

³⁹ Ibid., p. 10.

⁴⁰ Зайончковский А.А. Указ. соч., с. 98.

⁴¹ The Great War Diaries..., p. 10.

⁴² Ibid., p. 27–28.

⁴³ Террейн Дж. Указ. соч., с. 233.

Подобно многим рядовым участникам войны, причины неудач на фронте Стэплтон видел в некомпетентности командования. “Наша армия управляется целой ордой офицеров-самоучек, чье единственное достоинство и умение заключается в том, что все они знают, как умирать. Конечно, это нельзя назвать умением воевать, так же, как и средством для достижения победы”, – отметил он в дни неудачного наступления⁴⁴. В поисках виновных он высказывал мысли, близкие идеям, витавшим в умах солдат всех враждующих сторон. Это – бездарность командования и измена в кругах высшего руководства страны: «Моя родная Англия мучительно стонет под бременем некомпетентности и измены... Я постоянно замечаю, что множество наших грубых ошибок было допущено как будто для обеспечения успеха могущественному противнику, и это называют “обстоятельствами”. Понятно, что они являются хорошим союзником для немцев, которые совместно с нашим правительством получают множество случаев внедрять в наши умы неверие в себя и тем самым уменьшать количество и силу наших ударов»⁴⁵. Подобные заблуждения разделяли многие люди во всех враждующих армиях Первой мировой войны. Так, российский генерал Н.Н. Головин в исследовании моральной обстановки на российско-германском фронте отмечал, что в российской солдатской массе так же “росли слухи об измене. Эти слухи становились все сильнее и сильнее и проникали даже в среду интеллигентных лиц. Причиной, дающей особую силу этим слухам являлось то обстоятельство, что происшедшая катастрофа в боевом снабжении, как бы оправдывала те мрачные предположения, которые нашли распространение еще в конце 1914 года”. Российский генерал отмечал, что разложение армии, поиски некомпетентных командиров и стремление искать изменников усиливалось по мере удаления от линии фронта и процветало среди штабных работников, писарей и чиновников тыловых служб: “Чем дальше удаляться с поля битвы, тем больше факты деформируются, плохие известия раздуваются вследствие своего прохождения через многочисленные уста, и страх растет. Самое удаление от опасности окружает ее еще большими ужасами. Пессимизм развивается ... в самых задних рядах фронта. Одним словом, кризис недоверия начинается в тылу и, по современному масштабу войны, среди самой нации”⁴⁶.

Страх перед смертью на фронте, о котором писал русский генерал, представляется естественным и понятным, однако в дневниках Стэплтона мы не найдем ни панических настроений, ни призывов к неподчинению приказам командования или дезертирству. Внутренний протест не мешал выполнению воинского долга. Как человек, прошедший через окопы Галлиполийской десантной операции, радист восхищался мужеством английских солдат, ухидивших на передовую. “Видел батальоны из Южного Стаффордшира – между прочим, моих земляков, – писал он, – и вспомнил, как в их рядах я лежал напротив турецких позиций в памятный для нас день 21 августа 1915 г. Это не только люди прекрасного телосложения, годные для парадных маршей; они могут так же и с шуткой заглянуть в глаза смерти, даже зная, что она неизбежно заберет многих из них. Этот факт, кажется, никого из солдат раньше не трогал: гром шуток и насмешек в адрес хитрых турок, под аккомпанемент ружейных выстрелов и взмахов лопат (английских солдат, роющих окопы. – *Д.Т.*), наоборот, придавал особую силу и пехоте, и кавалерии”⁴⁷.

Гибель на передовой солдат, не вызывала у Стэплтона желания бежать с линии фронта, а лишь подчеркивала для него разрушительность войны как таковой, ее противоестественный всему мирозданию характер. Осенью 1916 г. он записал в дневнике: “Последние две-три ночи выдались прекрасными, с полной луной на чистом небе. Воздух прямо великолепен и чем-то напоминает свежесть восточной ночи. Если про-

⁴⁴ The Great War Diaries..., p. 14.

⁴⁵ Ibid., p. 28.

⁴⁶ Головин Н.Н. Указ. соч., т. II, с. 142–144.

⁴⁷ The Great War Diaries..., p. 8.

гуляться по дороге от деревни немного вниз, то можно легко перенестись в мир грез, где романтические мысли начнут кружиться в воображении.

Путник, однако, сразу же будет отрезвлен разнообразными проявлениями военной действительности, контрастирующей с мирной дремотой французских деревень. Галопом пройдет взвод кавалерии, и если это – уланы, то их длинные пики будут грозно блеснуть в исчезающем серебряном свете неясных ночных огней. На дороге никогда не стихает лязг и грохот моторов от потока техники и одиночных машин... Легко обнаружить отряд отставших от своей части солдат, поспешно марширующих с тяжелыми вещмешками по следам товарищей, что оставили их позади. А луна в спокойствии ночи, продолжает изливаться на все это свой бриллиантовый свет *и трудно поверить, что совсем неподалеку еще один прелестный уголок нашего несчастного мира сейчас медленно, но верно стирается с лица земли*⁴⁸.

Приведенные выше записки очевидца событий ярко показывают общий настрой солдат, втянутых в позиционную войну. “И если мы, – писал генерал Зайончковский, – сравним то, что одновременно происходило на западе Европы и на востоке, где русские корпуса пускались у Риги, Барановичей и на Стоходе почти без помощи тяжелой артиллерии и при недостатке снарядов на вооруженных с ног до головы германцев, то неудачи русской армии примут иной колорит, который выделит качества русского бойца на высшую ступень по сравнению с его западными союзниками”⁴⁹. Взгляд генерала на стратегический ход военных операций, несомненно, верен. Однако отсутствие у исследователей дневников участников “забытой войны”, не дает нам возможность увидеть события глазами человека, вовлеченного не в штабную аналитическую работу, а непосредственно в военную повседневность, понять, что он чувствовал и переживал.

⁴⁸ Ibid., p. 46.

⁴⁹ Зайончковский А.А. Указ. соч., с. 73.